

Энн Файн

Дневник
КОТА
Убийцы

все истории

САМОКАТ

Энн Файн

**Дневник кота-убийцы.
Все истории (сборник)**

«Самокат»

1994-2016

Файн Э.

Дневник кота-убийцы. Все истории (сборник) / Э. Файн — «Самокат», 1994-2016

ISBN 978-5-91-759610-5

Любите котиков? Этих милых, ласковых, невинных пушистиков? Сейчас проверим вашу любовь на прочность! Дневник кота Таффи — честный и откровенный, полный сарказма монолог о том, как коты на самом деле относятся к жизни и к своим хозяевам. Нежным натурам обещаем много откровений об их питомцах! Всем остальным — очень много смеха, ведь злоключений и чувства юмора коту-убийце не занимать. В этой книге под одной обложкой впервые собраны все истории о жизни Таффи, его борьбе за права и свободы кошачьей личности. Две из них впервые выходят на русском языке. 5 причин купить «Дневник кота-убийцы. Все истории»: 1) Под интригующим названием скрываются уморительно смешные истории как для самостоятельного, так и для семейного чтения; 2) Хотите узнать, о чем думают коты? Эта книга – возможность взглянуть на мир глазами кота Таффи: его рассказы заставят вас посмотреть на своих питомцев новым взглядом. Спойлер: хохот до боли в животе вам обеспечен! 3) «Дневник кота-убийцы» издается на русском языке с 2011 года, и за это время получил от читателей заслуженное звание книги-расчитайки. Внимание: прививает любовь к чтению! 4) Энн Файн – знаменитая английская писательница, член Королевского литературного общества, лауреат британской литературной премии и дважды обладатель медали Карнеги. Избрана Детским Лауреатом — за вклад в формирование будущих читателей. 5) Иллюстрации Алисы Юфа – отдельный вид прекрасного. Самое красивое оформление историй о коте Таффи из всех, изданных в мире!

ISBN 978-5-91-759610-5

© Файн Э., 1994-2016

© Самокат, 1994-2016

Содержание

Дневник кота-убийцы	8
Понедельник	10
Вторник	11
Среда	12
Четверг	13
Пятница	16
Все еще пятница	18
Суббота	20
Возвращение кота-убийцы	26
Как это начиналось	28
«Дом, милый дом!» Милый ли?	30
Ошибка	32
Застрявший на дереве	33
Гений!	34
Опять меня провели!	37
Плюх!	40
Милая кошечка	41
Драка	43
Как все закончилось	47
Ответный удар кота-убийцы	48
Не самое удачное фото	50
Упс!	51
Один маленький шлепок	52
Буйство красоты!	55
Крохотный совет	56
Последняя уродливая ваза	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Энн Файн

ДНЕВНИК КОТА-УБИЙЦЫ

The Diary of a Killer Cat – O Anne Fine, 1994

The return of the Killing Cat – O Anne Fine, 2003

The Killer Cat Srtikes Back – O Anne Fine, 2006

The Killer Cat's Birthday Bash – O Anne Fine, 2008

The Killer Cat's Christmas – O Anne Fine, 2009

The Killer Cat in love – O Anne Fine, 2016

The Killer Cat runs away – O Anne Fine, 2013

© Крупская Д. В., перевод, 2016

© Алиса Юсф., иллюстрации, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом 2017

Художественное электронное издание
Для среднего школьного возраста

В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года маркируется
знаком 12+

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

Дневник кота-убийцы

Понедельник

Ой, да ладно, я вас умоляю. Да, я убил птицу. Ну так повесьте меня! В конце концов, я же кот. По сути дела, это моя работа – подстергать в саду пухлые, нежные – нямр-ням – пернатые пирожки, которые с трудом перепархивают с одной живой изгороди на другую. И что, скажите, мне было делать, когда один такой утыканный перьями малыш прямо-таки ринулся мне в пасть? Говорю вам, он приземлился мне на лапы. Он мог меня поранить!

Ой, ладно, ладно. Ну, сбил я его. Но это не повод, чтобы Элли рыдала в меня, как в подушку, так что я едва не утоп, и так сжимала, что я чуть было не испустил дух.

– О, Таффи! – причитала она (тут вам и всхлипы-хлюпы, и покрасневшие глаза, и горы мокрых от слез салфеток). – О, Таффи! Как ты мог!

Как я мог? Я же кот. Откуда мне было знать, что поднимется такой тарарам и мама Элли помчится за старыми газетами, а папа Элли притащит ведро с мыльной водой?

Ой, ладно, ладно. Может, и не стоило приносить ее в дом и укладывать на ковре. Может, на нем и в самом деле теперь останутся пятна.

Ну так повесьте меня!

Вторник

А похороны мне понравились. Не уверен, что доставил им удовольствие своим присутствием, но, в конце концов, это же и мой сад. Вообще-то я в нем провожу намного больше времени, чем они. К тому же единственный в этой семье использую его по назначению.

И никакой благодарности. Вы бы их слышали!

«Этот кот изуродовал мне клумбу. От петуний остались рожки да ножки!»

«Едва я высадила лобелии, как он разлегся на них и все подавил».

«Ну зачем, скажите на милость, он нарыл ям в анемонах?»

Жалобы, жалобы, жалобы, жалобы. Не пойму, зачем было заводить кота, если без конца жаловаться?

Только Элли не жалуется. Она слишком занята оплакиванием птахи. Положила ее в коробку, обернула коробку платком, выкопала ямку. Потом мы все встали вокруг, а она произнесла речь: пожелала птичке удачи в раю.

– Пошел прочь! – цыкнул на меня отец Элли, довольно-таки грубый тип. Но я только хвостом махнул. И одарил его суровым взглядом. Кем он себя возомнил? Если я желаю смотреть на похороны птички, я буду смотреть. Я, между прочим, знаком с этой птицей дольше всех. Я знал ее еще живой.

Среда

Ой, ладно, я вас умоляю! Ну хотите – выдержите меня! Я принес мертвую мышь в их «дом, милый дом». Да я даже не убивал ее, нашел уже мертвой. Здесь же опасности на каждом шагу. Дороги по колено засыпаны крысиным ядом, в любое время суток туда-сюда снуют машины, и я тут, между прочим, не единственный кот. Даже не знаю, что с бедняжкой стряслось. Я просто шел мимо и наткнулся на нее. Она к тому времени уже испустила дух. Недавно, но испустила. И тут мне пришла в голову мысль, что неплохо бы принести ее домой. Не спрашивайте, почему эта мысль пришла мне в голову. Видимо, временное помешательство. Я же не предполагал, что Элли схватит меня и начнет читать нотации.

– О, Таффи! Второй раз за неделю! Я этого не вынесу. Я знаю, что ты кот, что у тебя инстинкт и все такое. Но прошу: перестань ради меня!

И смотрит мне в глаза.

– Перестанешь?

Я одарил ее взглядом. Вернее, попытался, но она мой дар не приняла.

– Я серьезно, Таффи, – сказала она. – Я тебя люблю и понимаю, но ты должен все это прекратить, ладно?

Она держала меня на весу. Что я мог сказать? Тогда я попытался придать себе виноватый вид. Она снова разрыдалась, и мы устроили еще одни похороны.

Здесь становится все забавней. Прямо цирк какой-то.

Четверг

Ладно, ладно! Попытаюсь объяснить про кролика. Прежде всего, вы вряд ли себе представляете, чего мне стоило протащить его сквозь кошачью дверцу. Это было ох как нелегко. Около часа у меня ушло на то, чтобы втянуть этого кролика в маленький кошачий лаз. Надо же такие бока отъесть! Это какой-то поросенок, а не кролик, если кого-то интересует мое мнение.

Нет, оно никого не интересовало. Они просто с ума посходили.

– Это Шлеп! – завопила Элли. – Это соседский Шлеп!

– Боже правый! – сказал папа Элли. – Вот теперь мы по-настоящему влипли. Что же делать?

Мама Элли уставилась на меня.

– Неужели кот мог такое сотворить? – спросила она. – Это вам не птичка, не мышь. Этот кролик ростом с Таффи. Они оба весят по тонне.

Мило. Очень мило. И это говорит моя семья. В смысле, семья Элли. Но вы меня поняли.

Элли, разумеется, устроила истерику. Просто голову потеряла.

– Какой ужас! – вопила она. – Кошмар! Не верю, что Таффи мог такое сделать. Шлепик был нашим соседом много лет.

Конечно. Шлеп был моим другом. Я его хорошо знал.

Элли накинулась на меня.

– Таффи! Как же так? Бедный, бедный кролик! Ты только погляди на него!

Надо признаться, выглядел Шлеп неважнецки. В основном, конечно, из-за налипшей земли. И травы. И нескольких палочек-веточек, застрявших в шерсти. И из-за масляного пятна на одном ухе. Но если вас протащить через весь сад, потом через живую изгородь и недавно смазанную маслом кошачью дверцу, вы вряд ли будете выглядеть так, будто явились на званый ужин.

Впрочем, Шлепу было наплевать на внешний вид. Он был мертв.

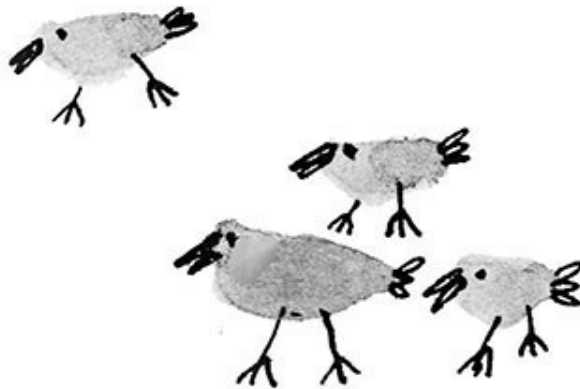
Зато всем остальным было на это почему-то не наплевать.

– Что же делать?

– Это конец. Соседи перестанут с нами разговаривать.

– Нужно что-то придумать.

И они придумали. План, доложу я вам, был великолепен, просто высший класс. Сперва папа Элли притащил ведро (да-да, опять!) и наполнил его теплой мыльной водой. И все поглядывал на меня, чтобы я почувствовал себя виноватым за то, что ему приходится второй день подряд возиться с моющими средствами. Я ответил ему своим фирменным взглядом «меня – этим – не – проймешь».

Потом мама Элли окунула Шлепа в ведро и хорошенько постирала, а потом прополоскала. Вода стала коричневой. Грязи-то сколько! Потом, то и дело бросая на меня взгляды, словно это я был виноват, они вылили воду и повторили всю процедуру со свежей мыльной пеной.

Элли, конечно, вся изревелась.

– Прекрати, Элли, – сказала ей мама. – Ты действуешь мне на нервы. Если хочешь принести пользу – принеси фен.

Элли поплелась на второй этаж, продолжая всхлипывать.

Я сидел на шкафу и наблюдал.

Шлепа домыли и снова окунули в ведро. Какое счастье, что он ничего не чувствовал. Ему вряд ли понравилось бы такое «измывательство». Когда вода наконец стала чистой, Шлепа вынули и вытерли. Потом положили на газету и призвали Элли с феном.

– Твоя очередь, – сказали они ей. – Сделай ему красивую укладку.

И она сделала. Получилось нечто, доложу я вам. Наверняка Элли станет всемирно известным парикмахером, когда вырастет. Шлеп и при жизни никогда не был так великолепен.

– Здорово, Шлеп, – кивал я ему, когда шел мимо проверить миску соседского кота.

– Привет, Тафф, – подергивал он в ответ носом.

Мы были добрыми приятелями. Даже друзьями. Так что я обрадовался, что благодаря усилиям Элли он смотрится таким франтом.

– И что дальше? – спросил папа.

Мама поглядела на него так, как она иногда смотрит на меня, только немного добрее.

– Ну уж нет, – сказал он. – Только не я. Нет, нет, нет и еще раз нет.

– Или ты, или я – одно из двух, – сказала она. – Не мне же идти, правда?

– Почему? – спросил папа. – Ты меньше меня. Тебе легче пролезть под живую изгородь.

Вот тогда-то я и понял, что они задумали. Но как я мог их остановить? Объяснить, что ли? Я же всего лишь кот.

Оставалось сидеть и смотреть.

Пятница

Я говорю – пятница, потому что они дождались ночи. Часы показывали за полночь, когда отец Элли наконец поднял себя из уютного кресла перед телевизором и пошел на второй этаж. Когда он вернулся, он был одет во все черное. С головы до ног.

– Ты похож на котокрада, – сказала мама.

– Жаль, на нашего кота ни один котокрад не позарится, – проворчал папа.

Я проигнорировал его слова. На это мне хватило ума.

Они вместе дошли до двери черного хода.

– Не включай свет во дворе, – предупредил папа. – Еще выглянет кто-нибудь.

Я тоже попытался выскользнуть на улицу, но мама Элли придержала меня ногой.

– Сегодня дома посидишь для разнообразия, ничего с тобой не случится, – сказала она мне. – Хватит с нас неприятностей на этой неделе.

Ой, я вас умоляю, тоже мне секрет! Мне все равно потом все пересказали Белла, Тигр и Пушкинс. Отличные, кстати сказать, ребята. Они все были свидетелями того, как отец Элли крадется через лужайку с пластиковым пакетом, в который был втиснут бедняга Шлеп, аккуратно завернутый в полотенце, чтобы не испачкался. Как он продирается сквозь лаз в живой изгороди и на животе переползает лужайку наших соседей.

– Я все ломал голову – что же это он вытворяет? – говорил потом Пушкинс.

– Загубил наш лаз, – пожаловалась Белла. – Так его раскочевряжил, что ротвейлер Томпсонов теперь в него запросто пройдет.

– У этого господина ночное зрение никуда не годится, – сказал Тигр. – Он целую вечность искал в темноте кроличью клетку.

– И открывал задвижку.

– А потом он запихнул туда старину Шлепа.

– И аккуратно уложил на соломенной подстилке.

- И ушки поправил.
- И солодкой подоткнул.
- Чтобы казалось, будто он спит.

– Кстати, получилось очень натурально, – сказала Белла. – Я бы поверила. Случись кому мимо идти, тот непременно решил бы, что старина Шлеп мирно, спокойно умер во сне от старости.

Они захохотали.

– Ш-ш-ш! – сказал я. – Потихе, ребят. А то услышат, а мне не положено сейчас быть на улице. Меня отстранили от полетов.

Они уставились на меня.

– Да ты что!

– Seriously?

– За что?

– За убийство, – говорю. – Хладнокровное кроликоубийство.

Тут мы все снова покатались со смеху. Прямо-таки застонали от смеха. Последнее, что я слышал перед тем, как мы всей бандой рванули по Бичкрофт-драйв, был звук распахнувшегося окна спальни и вопль папы Элли:

– Как ты выбрался, хитрый зверюга?

Ну и что он теперь сделает? Заколотит кошачью дверцу?

Все еще пятница

Он заколотил-таки кошачью дверцу. Нет, вы представляете? Утром спустился по лестнице прямо в пижаме и сразу же схватился за молоток и гвозди.

Бам, бам, бам, бам!

Уж как я выразительно на него смотрел! И вдруг он поворачивается и говорит мне без зазрения совести:

– Опля, дело сделано. Теперь сюда открывается, – он толкнул дверцу ногой, – а сюда нет. В обратную сторону дверца действительно не открывалась. Он вбил гвоздь.

– Вот так-то, – сказал он мне. – Выйти – пожалуйста. Ради бога, топай, скатертью дорожка. Причем можешь оставаться на улице сколько угодно, хоть навсегда. Но если тебе вздумается вернуться, не мучайся зря, ничего с собой не тащи. Потому что теперь эта дверца – все равно что улица с односторонним движением, и тебе придется сидеть на коврик у порога, пока кто-нибудь не впустит тебя в дом.

Он поглядел на меня с нехорошим прищуром.

– И горе тебе, Таффи, если рядом с тобой на коврике окажется чей-нибудь труп.
«Горе тебе»! До чего дурацкое выражение. И что оно вообще значит? «Горе тебе»!
Это ему горе.

Суббота

Ненавижу субботнее утро. Суета, беготня, хлопанье дверей, крики: «Ты взяла кошелек?», «Где список продуктов?», «Нам нужна кошачья еда?» Разумеется, нам нужна кошачья еда. Чем еще мне питаться всю неделю? Воздухом, что ли?

Но сегодня все были какие-то притихшие. Элли сидела за столом, вырезая Шлепу надпись на симпатичном надгробном камне из остатков пробковой плитки для пола. Надпись гласила:

– Только соседям не показывай, – предупредил ее папа. – По крайней мере, до тех пор, пока они не скажут нам, что Шлеп умер.

Некоторые люди такие мягкотелые. Ну вот, опять у нее слезы на глазах.

– Вон, кстати, и соседка, – сказала мама, глядя в окно.

– Куда это она?

– В магазин.

– Хорошо. Надо постараться не столкнуться с ней, когда понесем Таффи к ветеринару.

Таффи? К ветеринару?

Элли испугалась больше меня. Она бросилась к отцу и принялась молотить его кулачками:

– Папа! Нет! Ты не посмеешь!

Я дрался намного эффективнее: когти-то у меня ого-го! Когда папа наконец выковырял меня из темного шкафчика под раковиной, его свитер представлял собой жалкое зрелище, а руки были расцарапаны до локтей.

Ему это не понравилось.

– А ну вылезай, ты, жирный, мохнатый психопат! Тебе всего лишь антипаразитарную прививку сделают, хоть это и пустая трата денег!

Вы бы ему поверили? Я не был уверен на сто процентов. Элли, видимо, тоже, поэтому она пошла с нами. Когда мы подошли к клинике, я все еще был полон подозрений. Именно поэтому я и зашипел на девушку в регистратуре. Вовсе ни к чему было писать на моей карточке «ОСТОРОЖНО! ОПАСЕН!». Даже у ротвейлера Томпсонов на карточке нет надписи «ОСТОРОЖНО! ОПАСЕН!». А со мной-то что не так?

В комнате ожидания я вел себя немного грубовато. Ну и что? Ненавижу ждать. Тем более – в душной кошачьей перевозке. В ней тесно. В ней жарко. И скучно. После несколь-

ких часов ожидания любой на моем месте начал бы дразнить соседей. Я не собирался пугать до полусмерти бедного больного крысенка. Я просто смотрел на него. У нас же свободная страна, правда? Разве кот не имеет права даже посмотреть на миленького крошку-крысенка?

Если я и облизывался (чего и в помине не было), так это оттого, что жажда замучила. Честно. У меня и в мыслях не было его есть.

Беда крысят в том, что они совсем не понимают шуток.

Как и все прочие в этом помещении.

Папа Элли оторвал взгляд от брошюры «Ваш домашний любимец и глисты». (Мило. Очень мило.)

– Поверни клетку сеткой в другую сторону, Элли, – сказал он.

Элли перевернула.

Теперь я смотрел на терьера Фишеров. (Уж если на чьей-то карточке и надо написать «ОСТОРОЖНО! ОПАСЕН!», то на его.)

Ой, да ладно, я вас умоляю, ну, зашипел я на него. Подумаешь, один жалкий «фшик». Это какой острый слух надо иметь, чтобы такой «фшик» услышать?

Ну, порычал он чуть-чуть. Уж если на то пошло, отчего бы ему не порычать? В конце концов, кто из нас двоих собака?

Ой, да ладно, ну, ударил я лапой по прутьям, так что с того? Никто бы и не заметил даже, если, конечно, специально не приглядываться.

Откуда мне было знать, что он плохо себя чувствует? Не все, кто сидит в очереди к ветеринару, больны. Я, например, не болен. Я вообще ни разу в жизни не болел. Даже не знаю, каково это. Но, наверное, если бы я лежал при смерти и на меня чуточку пошипело маленькое пушистое создание, находящееся к тому же за решеткой, я бы не стал скулить, дрожать и, стуча когтями, лезть под стул, чтобы спрятаться в ногах у хозяйки.

Это к лицу скорее цыпленку, чем скотч-терьеру, если хотите знать мое мнение.

– Следите за вашим несносным котом! – сварливо сказала миссис Фишер.

Элли за меня заступилась:

– Он в клетке!

– Тем не менее он до смерти напугал половину животных. Накройте его чем-нибудь, что ли.

Элли явно собиралась спорить дальше. Но ее папа, не отрывая глаз от брошюры про глистов, бросил на перевозку свой плащ, словно я какой-то старый глупый попугай.

И мир поглотила тьма.

Неудивительно, что, когда ко мне подошла докторша с длинной, отвратительной иглой, я был немного не в духе. Хотя и не имел намерения сильно ее царапать.

Как и разбивать все эти стеклянные пузырьки.

Как и скидывать со стола дорогие новые весы.

Как и разливать жидкость для дезинфекции.

Но мое направление на прививку на мелкие клочки порвал не я. Это уже сделала она, ветеринарша.

Когда мы вышли, Элли опять плакала. Она крепко прижимала к груди мою клетку.

– О, Таффи! Постарайся не попасть под колеса, пока мы не найдем нового ветеринара, который согласится тебя привить.

– Ищи дурака! – буркнул папочка.

Я испепелял его взглядом сквозь прутья решетки, и тут он заметил маму Элли, стоящую у дверей супермаркета. Ее окружало море пакетов, волны плескались у колен.

– Вы ужасно опоздали! – возмутилась она. – Что-то случилось в клинике?

Элли ударилась в слезы. До чего же мягкотелая особа. Но папа ее был кремень. Он набрал полную грудь воздуха, чтобы излить накопившиеся чувства, но внезапно снова выпустил его. Краем глаза он приметил проблему иного рода.

– Быстро! – шепнул он. – Там, у кассы, наша соседка!

Он подхватил половину пакетов. Мама Элли сгрэбла остальные. Но мы не успели улизнуть – из стеклянных дверей супермаркета вышла соседка.

Все заговорили одновременно.

– Доброе утро, – сказал папа Элли.

– Доброе утро, – сказала соседка.

- Славный денек, – сказал папа Элли.
- Прелестный, – согласилась соседка.
- Лучше, чем вчера, – сказала мама Элли.
- О да, – сказала соседка. – Вчера был ужасный день.

Она, может, имела в виду погоду. Но Элли уже моргала часто-часто. Не пойму, за что она так любила Шлепа. Вроде бы это я ее домашний любимец, а не он. И поскольку от слез она уже не различала, куда идет, то врезалась в маму, та уронила пакет, и консервы с кошачьим кормом покатались по улице.

Элли поставила мою клетку и бросилась за ними. Но вот читать надпись на банке ей не стоило.

- О, нет! – заревела она. – «Кролик – сочные кусочки»!

До чего чувствительный ребенок. Она бы не выжила в нашей банде. Недели бы не протянула.

– Кстати, о кроликах, – сказала соседка. – С нами приключилась невероятнейшая история.

- Правда? – сказал отец Элли, взглянув на меня.
- Вот как? – сказала мама Элли, взглянув на меня.

– Да, – сказала соседка. – В понедельник бедняжка Шлеп приболел, и мы забрали его в дом. Во вторник ему стало хуже. А в среду он умер. Он был ужасно старый и прожил хорошую жизнь, и это послужило нам утешением. Мы похоронили его в глубине сада в коробке из-под обуви.

Я созерцал проплывающие над нами облака.

- А в четверг он пропал.
- Пропал?
- Пропал?
- Да, пропал. Осталась только яма в земле да пустая коробка.
- Правда?
- Боже милостивый!

Папа Элли смотрел на меня с недоверием.

– А вчера, – продолжала соседка, – случилось самое странное. Шлеп вернулся. Снова лежал в своей клетке, такой чистенький, пушистый.

- В клетке, говорите?
- Пушистый? Не может быть!

Надо отдать им должное, играли они на славу. Держались до самого дома.

- Какая удивительная история!
- Как это могло произойти?
- Поразительно!
- Надо же!

Так продолжалось, пока за нами не закрылась дверь. И тогда эти двое повернулись ко мне.

- Ах ты обманщик!
- Заставил нас думать, что это ты его убил!
- Столько времени притворялся!
- Я знала, что он не мог этого сделать. Кролик был толще его!

Можно подумать, они жалели, что это не я убил кролика.

Все, кроме Элли. Она была сама доброта.

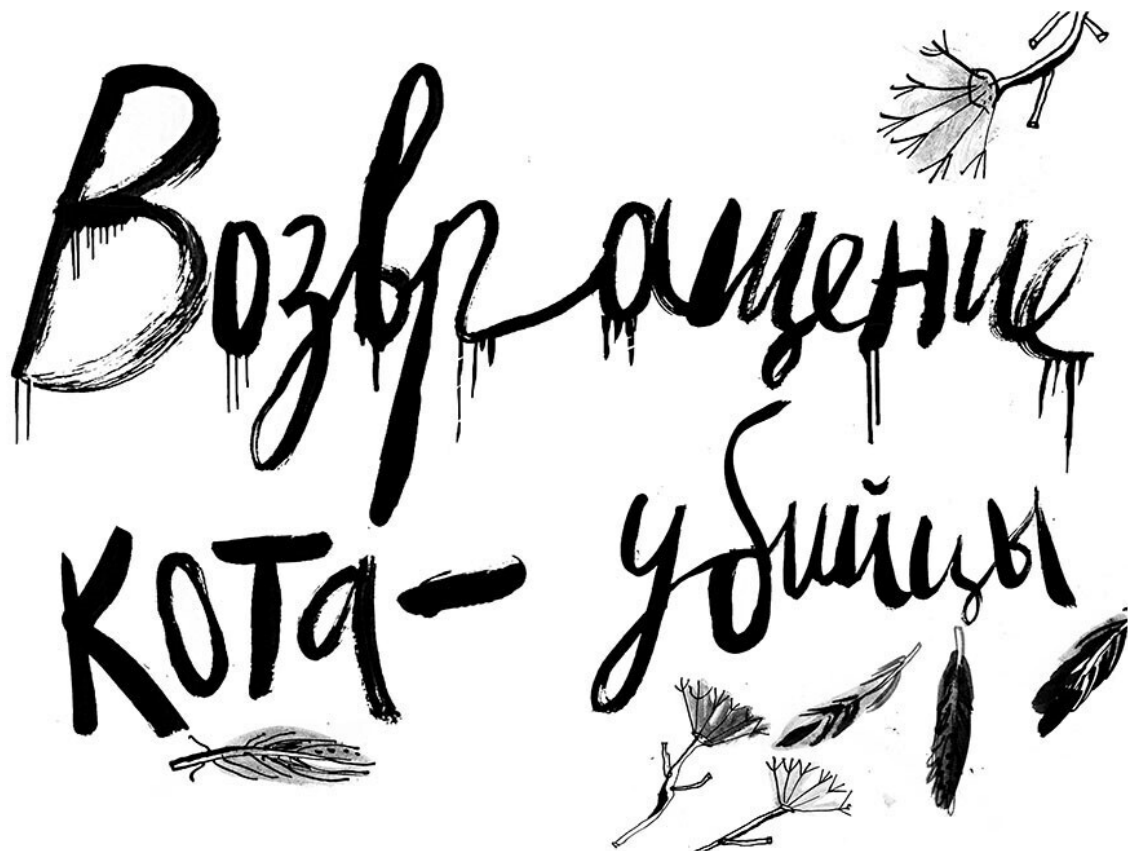
– Не смейте ругать Таффи! – сказала она. – Оставьте его в покое! Спорим, он даже не выкапывал беднягу Шлепа. Спорим, это сделал мерзкий, злобный терьер Фишеров. А Таффи просто принес его нам, чтобы мы его похоронили как подобает. Он герой. Добрый, умный герой.

И она обняла меня – крепко и нежно.

– Правда, Таффи?

Что я мог сказать? Ничего. Я же кот. Так что я просто сидел и смотрел, как они вытаскивают гвозди из кошачьей дверцы.

Возвращение кота-убийцы

Как это начиналось

Ой, ладно, я вас умоляю! Ну, побейте меня по пушистым лапкам-царапкам. Я все испортил.

Зато какое было шоу!

Так и быть! Отдерите меня за хвост! Я же самый настоящий преступник. И что вы будете со мной делать по этому поводу? Конфискуете мою миску и скажете: «Ай-яй-яй, гадкий, гадкий кот!»?

От нас, от котов, вроде и не требуется четко выполнять команду «рядом!», делать только то, что велено, и преданно заглядывать вам в глаза: мол, не принести ли тапочек или еще чего-нибудь?

У нас, котов, своя жизнь. Мне нравится управлять своей жизнью. И меня отнюдь не тяготит одиночество, когда все семейство уезжает в отпуск.

– О, Таффи! – волновалась Элли, сжимая меня в объятиях на прощание. Мой холодный взгляд весьма ясно выражал мысль: «Осторожно, Элл! Не увлекайся, а то поцарапаю». – О, Таффи! Нас целую неделю не будет!

Целую неделю? Волшебные слова! Целую неделю млеть на солнышке среди цветов, не вздрагивая от воплей мамы Элли: «Таффи! Брысь оттуда! Все грядки мне помял!»

Целую неделю валяться на телевизоре, не выслушивая ворчание папы Элли: «Таффи! Хвост убери! Ворота загородил!»

И главное – целую неделю меня не будут пеленать и заталкивать в старую соломенную корзину, которую Элли и ее соседка-плакса по имени Мелани приспособили под колыбельку, чтобы баюкать и тискать меня.

– Ох, Элли, как же тебе повезло! Вот бы и у меня был кто-нибудь вроде Таффи! Он такой мягкий и пушистый!

Конечно, я мягкий и пушистый. Я же кот.

Притом кот неглупый. Я достаточно умен, чтобы понять, что сидеть со мной в этот раз приглашена не миссис Тэннер, как бывало раньше...

«...Нет, ей пришлось внезапно уехать к дочери в Дорсет... Нет ли у вас на примете человека, который мог бы нам помочь... Всего на шесть дней... А вы уверены, что вас это не затруднит, преподобный? Ах вот как. Вы любите котов, и он вам не помешает...»

Помешаю ли я проповеднику? Пф! Важнее, не помешает ли он мне.

«Дом, милый дом!» Милый ли?

А-га! Мистер Домовитая Хозяюшка!

– А ну брысь с подушки, Таффи. Тебе что, позволяют валяться на диване?

Прошу прощения! Этот батюшка что, не заметил, с кем разговаривает? И чем я должен заниматься, по его мнению? Полы драить? Печатать на компьютере? Вскопывать грядки?

– Таффи! Не дерьмо мебель.

Че-го-о-о? Это что? Чей дом-то? Его, что ли? Мой! Если захочу подрать мебель, я и спрашивать не буду.

И хуже всего:

– Нет, Таффи! Я не открою новую банку, пока это не доешь.

Вот именно – «это». «Это» засохло. Почернело. «Это» – вчерашние объедки!

И я «это» есть не намерен.

Я развернулся и пошел прочь. Преподобный Барнэм заорал мне вслед:

– Вернись и доешь ужин!

Размечтался! Щас! Я встретился со своими – с Беллой, Тигром и Пушкинсом – и сказал, что остался без ужина. Они тоже проголодались, и мы уселись на стене и немного повыли, размышляя, где бы поесть.

– Можно пообгрызать сыр с остатков пиццы.

– А как насчет жареной рыбки?

– Я бы пошел на убийство ради куска мяса.

– Никто не желает телячьих ребрышек?

В конце концов мы остановились на китайской кухне. Обожаю, как они готовят утиные ножки! Тигр включил нюх на поиски нужного места и затрусил по улице, а потом мы сыграли в «рви пакеты». Довольно скоро мы с аппетитом ужинали на нашей стене.

– Очень вкусно.

– Отлично.

– Достойный выбор. Надо здесь почаще столоваться.

– Порции огромные. Какие люди, а? Хорошие продукты выбрасывают!

Да уж, а вот мой приятель проповедник явно ничего не выбрасывал. Наутро он снова выставил передо мной засохшие объедки.

– Таффи, я не стану открывать новую банку. Будь ты на самом деле голоден, ты бы это съел.

Серьезно? С чего это он взял?

И тут он бросил взгляд за окно.

– Что за бардак в саду! Откуда такая куча рваных пакетов из-под еды? И почему мне всю ночь мешал спать жуткий кошачий вой? Сегодня вечером гулять не пойдешь.

Хоть я и глух к замечаниям, но со слухом у меня все в порядке. Спасибо за предупреждение, преподобный! Я улизнул на второй этаж и стал скрести окно в ванной комнате, пока не появился небольшой зазор. Ага, то, что надо. Мельком взглянешь – не заметишь, что закрыто неплотно, а если хорошенько толкнуть лапой – окно откроется.

И нечего критиковать беспорядок в саду. Мне там еще завтракать.

Ошибка

Ой, ну ладно, ладно! Может, это и в самом деле было немного чересчур – устроить ночной конкурс талантов прямо под окном спальни бедного проповедника. Белла пела «Краса-а-а-авчик и мечта-а-а-атель». Тигр спел «Поскачем в Новый Орлеа-а-а-ан». Пушкинс продемонстрировал свое мастерство в исполнении тирольских песен. А я выдал блестящую имитацию Элли, прищемившей палец дверцей машины.

И все же это не повод хватать панталоны, скручивать жгутом и потрясать ими с воплем: «Поймаю – пуцу ваши кишки на подвязки!»

Вернуться я постарался как можно позже. Но любому существу необходимо где-то спать. Мы с ребятами распрощались, и я побежал домой. Утро выдалось чудесное. Единственное, что его портило, это голос преподобного. Я его за три квартала услышал:

– Таффи-и-и-и! ТАФФИ-И-И-И!

Я притаился в тени живой изгороди соседей. Из-за нее выглядывала Мелани.

– Скажите, пожалуйста, преподобный Барнэм, – прервала она его вопли, – а молитва работает?

Он вытаращился на нее, словно она спросила: «А поезда едят горчицу?»

Мелани сделала вторую попытку:

– Вы всегда говорите людям: «Давайте помолимся». Ну и как, это работает?

– В каком смысле?

– Люди получают то, о чем просят? Если я буду очень-очень-очень молиться о чем-то, я это получу?

– А о чем, собственно, речь? – с подозрением спросил преподобный Барнэм.

Мелани прижала руки к груди.

– О собственном домашнем животном. Чтобы оно было такое же мягкое, пушистое и теплое, как Таффи, который здесь прячется.

Ну спасибо, Мелани! Я дал деру. Преподобный – за мной. Вот почему я ошибся и вместо привычного прыжка на яблоню сиганул на ручку газонокосилки, а с нее – на грушевое дерево.

С верхушки дерева есть только два пути:

1. Можно с верхней ветки попасть в... закрытое и запертое окно ванной. (Ага, все понятно. Мне перекрыли последнюю лазейку на волю.)

2. Или можно вернуться тем же путем, каким я сюда поднялся, и спрыгнуть с нижней ветки на ручку газонокосилки, а с нее – на траву.

Но, поскольку от моего безумного прыжка газонокосилка перевернулась вверх тормашками, то и второй пункт можно считать невыполнимым.

Застрявший на дереве

Надо отдать должное преподобному – он перепробовал все. Он аукал и эгекал. Он умасливал. Он уламывал. Впрочем, между умасливанием и уламыванием разница невелика, разве что в уламывании чуть больше плаксивости.

Потом пытался угрожать.

– Ты пропустишь ужин, Таффи.

Ой, можно подумать, я так и мечтаю поужинать засохшими позавчерашними консервами!

И наконец преподобный выкрикнул нечто совсем уж гадкое:

– Можешь торчать на дереве, пока не сдохнешь, Таффи!

Просто замечательно.

Дело в том, что я не притворялся. Я действительно застрял. Какой дурак, по-вашему, нарочно провел бы полдня на дереве, слушая, как с одной стороны надывается проповедник...

– А ну спускайся, Таффи! Спускайся немедленно!

...А с другой стороны Мелани на коленях, со сложенными на груди руками и закрытыми глазами, бормочет молитвы:

– Прошу, пожалуйста, пошли мне кого-нибудь мягкого и пушистого, кого-нибудь вроде соседского Таффи, я буду баюкать его в соломенной колыбельке. Я подарю ему мягкую подушечку и буду кормить его тунцом и сливками.

Свежим тунцом! Сливками! Неужели Мелани в курсе, что я пропустил завтрак?

Я слушал до тех пор, пока не лопнуло терпение. Потом передвинулся на другую сторону дерева. Ну, вы меня понимаете.

Проповедник тоже явно нагулял аппетит. Он поорал-поорал, да и бросил, ушел в дом готовить завтрак. Себе. Оказалось, что сам он вовсе не был любителем позавчерашних заскоружлых консервов, что вы что вы. Через открытое окно до меня долетел дивный аромат жареной колбаски и бекона.

Говорят, хороший завтрак – отличная помощь мозгам. Преподобному завтрак явно добавил пригоршню серого вещества, ибо минут через двадцать он выволоч в сад табуретку.

И влез на нее.

Но до меня все равно не дотянулся.

А ведь это было не так трудно. Я был не прочь спуститься, точнее, наоборот, я был очень даже за. Подтянись он чуток повыше, я, может, и сам упал бы к нему в руки. Конечно, есть вероятность, что я бы его малость поцарапал, но коты ведь славятся своей неблагодарностью, так что он знал, на что идет.

Я даже попытался ему помочь, пополз к нему по ветке. Но ветка закачалась. (Вот вам последствия диеты: никакого, понимаешь, веса, никакой устойчивости.) И чем тоньше становилась ветка, тем сильнее она наклонялась, и я на ней держался уже с большим трудом. И не рискнул ползти дальше.

Ветка все наклонялась, преподобный глядел... глядел... и вдруг – эврика! Его осенило!

Гений!

Он сходил в гараж и вернулся с мотком веревки. Залез на табуретку, привязал конец веревки к моей ветке.

– Та-а-ак, – мрачно сказал он. – Скользящий узел!

Я завыл. Он собирается меня повесить? Нечасто я жалею, что не способен говорить, но в этот момент, признаюсь, мне страшно захотелось метнуться к другой стороне дерева и крикнуть Мелани: «Эй, милая! Кончай молиться о ком-то мягком и пушистом и живо звони в полицию. Проповедник пытается меня убить!»

Возясь с узлом, он бормотал:

– Вокруг и сквозь, и снова вокруг и сквозь.

Я продолжал мяукать.

Он затянул узел и потянул веревку. Я впился когтями в кору. Ветка накренилась, но он до меня не достал.

Вторая попытка. Ветка нагнулась еще ниже к земле. Я чуть не свалился. Но все равно до него было слишком далеко.

– Прыгай! – сказал он. – Уже можно спрыгнуть, Таффи!

Я прищурился на него.

– Прыгай, Таффи! – повторил он.

Мой гневный взгляд говорил о многом. Это был очень красноречивый взгляд. И настолько жгучий, что мог бы прожечь жалюзи.

– Трус! – сказал он.

Пф-ф, хорошенькое дело! Это уж слишком... Я зашипел и плюнул в него. А чего вы ждали? Он назвал меня трусом! Он сам напросился. Практически попросил:

– Плюнь-ка мне в глаз, Тафф!

Ну, я и плюнул.

Он посмотрел на меня сердито. И вдруг – вот змей! – улыбнулся.

– А-га! – сказал он.

Я вам вот что скажу. Если вы кого-то не любите, не стоит при нем говорить «А-га!», потому что этот кто-то начинает от этого сильно нервничать...

Особенно если он крепко застрял на дереве.

– А-га! – повторил преподобный и потопал в гараж.

Гляжу – он машину выводит. Меня аж в дрожь кинуло – ну, думаю, кранты, сейчас он мое дерево повалит. Но он остановил машину и вышел.

И привязал другой конец веревки к бамперу.

– Отлично, – сказал он, оглядывая результат своих трудов. – Думаю, она достаточно прочная, чтобы пригнуть ветку.

Я перестал жалобно выть. Внезапно передо мной забрезжила надежда спуститься до того, как я умру от старости на этом дереве.

Если честно, я даже подумал, что идея просто супер. Что этот человек – гений. Я был впечатлен до кончика хвоста.

Опять меня провели!

Эх, дурак я, дурак, дурья башка. Снова меня провели. Нет, сначала-то все шло отлично. Не придерешься. Преподобный сел в машину, завел мотор и стал аккуратненько, осторожненько отъезжать от дерева...

Потихонечку...

Полегонечку...

Пока веревка не натянулась. Ветка стала наклоняться – все шло по плану...

Ниже...

Еще ниже...

Мне оставалось только мягко спрыгнуть на землю.

«Блестяще! – подумал я. – С этим я справлюсь. Колбасные обрезки и шкурки от бекона, готовьтесь, я иду к вам!»

Я начал подбираться к концу ветки...

Шажок...

Еще шажок...

И тут вдруг нога преподобного сорвалась с педали.

Машина дернулась вперед. Ветровка лопнула, не выдержав натяжения. Пригнутая ветка превратилась в гигантскую зеленую катапульту...

А я – в летающего кота.

А-а-а-а! Эге-гей, я лечу! Я очертил прекрасную, совершенную по форме дугу над верхушкой дерева. Вряд ли я соглашусь повторить этот трюк, но вид с высоты птичьего полета – это нечто! Нечто грандиозное. Весь город видно.

Но вот после этого мне, разумеется, ничего не оставалось, кроме как лететь

Плюх!

Плюх!

Прямо в плетеную корзинку Мелани.

Ой, я вас умоляю, не нужно так волноваться! Может, я и расплющил в лепешку пару-тройку малосимпатичных гнусокусащих козьявок, нашедших себе приют на подстилке в корзине, но я же не нарочно. Не думайте, что мне было приятно выкусывать из шерсти их крошечные трупы, но они сами виноваты: нечего было стоять и смотреть, раскрыв рты, как я на них падаю.

Услышав большой БУМ! моего приземления, Мелани прервала молитву. Она открыла глаза, увидела меня в корзине и подняла взгляд к небесам.

– О, спасибо! Благодарю! – вскричала мисс Мокроноса Дуринда. – Спасибо за то, что послал мне именно то, что я просила, – мягкое и пушистое, совсем как Таффи.

Совсем как Таффи?

Она что, решила, что я послан с небес? Совсем с ума сошла?

Впрочем... Не стоит говорить гадости про Мелани. Я мог попасть в места гораздо более неприятные, чем корзина с мягкой подушкой.

Мелани принесла меня в дом и сдержала обещание. Сливки! Тунец! Думаете, я улизнул домой, чтобы вернуться к обедкам кошачьего корма трехдневной свежести? Потом она села рядышком и стала гладить меня за ухом, придумывая мне имя.

– Малютка Пусси-Вусси?

Конечно, Мелани. Если хочешь, чтобы меня тошнило на твою подушку каждый раз, как ты это произносишь.

– Сладюсик-Малюсик?

Только попробуй! Так расцарапаю – родная мама не узнает.

– Придумала! Назову тебя Жаннет!

Жаннет? С какой она планеты, эта балда? Начнем с того, что я мальчик. Кроме всего прочего, вы – или вот вы, – короче, кто-нибудь вообще слышал, чтобы представителя кошачьего племени называли Жаннет?

Но сливки были свежими. А тунец – выше всяких похвал.

Так что пусть будет Жаннет. О да. Жаннет тепло, сытно и удобно.

Жаннет остается.

Милая кошечка

Ну давайте, давайте. Издевайтесь. Да, вид у меня в этом кружевном чепце был немного инфантильный. И кукольная ночная рубашка с рюшками была мне великовата. Ну и что вы со мной сделаете? Лишите права на участие в показе мод?

Мне было неплохо в роли Жаннет. Еда трижды в день – так что ночная рубашка недолго была мне велика. Кормили меня телятинкой, треской, белым куриным мясом и колбасными хвостиками. Вспомните, что вы больше всего любите, и представьте себе, как вас этим кормят – с обожанием и почтением – маленькими пальчиками, кусочек за кусочком, и вы поймете, почему я остался.

Единственное, что отравляло мне жизнь, – непрерывный крик, доносящийся с соседнего двора:

– Таффи-и-и! Таффи-и-и-и-и! Где-е-е ты-ы-ы-ы?

Мелани поправила мне подушку под спинкой и встала на цыпочки, чтобы взглянуть через кусты живой изгороди.

– Преподобный-то до сих пор его ищет, – печально сказала она мне. – Бедный Таффи! Так и не нашелся. Надеюсь, что, где бы он ни был, ему тепло, сухо, удобно и его хорошо кормят. Я замурлыкал.

Она повернулась ко мне.

– О, Жаннет, я так рада, что ты у меня есть.

И сжала меня в объятиях так крепко, что пришлось дать предупредительное «мяу». Не слишком умно, правда? Учитывая тот факт, что рядом ищут кота.

Уже через секунду над кустом появилась голова преподобного.

– Ты его нашла!

А я лежу себе в корзине, помалкиваю.
Мелани – добрая девочка, но не слишком умная.

– Кого?

– Таффи!

– Нет. Это моя кошечка мяукнула. Это Жаннет.

– Жаннет?

– Да, мне ее подарили.

Хорошо хоть, что она не сказала «это подарок с небес»: преподобный и без того заподозрил неладное. Он прищурился и пристально оглядел меня.

Необходима маскировка! Я соорудил милейшую, уморительную мордашку. Чепец и рубашка явно ввели его в заблуждение, но все же он решил не сдаваться.

– А морда у него совсем как у Таффи.

Я дружелюбно замурлыкал.

– Но Таффи таких звуков не издает.

Издает, издает. Только не в твоём присутствии, гад!

Вдруг проповедник оживился.

– Мелани, – сказал он, – давай я устрою небольшое испытание, чтобы убедиться, что это не Таффи?

Он зашел во двор через калитку и взял меня на руки.

Какое такое испытание? Одни, чтобы испытать себя, прыгают сквозь огонь, другие уходят на семь лет скитаться. Третьи испытывают судьбу, чтобы разбогатеть. Четвертые убивают драконов или отправляются на поиски Святого Грааля.

Но о таком испытании я что-то не слышал.

Он вытащил меня из корзинки.

Он подержал меня на вытянутых руках.

Он посмотрел мне в глаза (я даже не моргнул).

Он сказал:

– Славная кошечка. Хорошая, хорошая кошечка!

Он сказал:

– Милая, милая кошечка!

Он сказал:

– Кто у нас такая умная кошечка, а?

А я только замурлыкал.

И тогда он положил меня обратно в корзину.

– Ты права, – сказал он Мелани. – Это не Таффи. Даже не понимаю, что на меня нашло, как я мог заподозрить такое.

Уф-ф-ф!

Будут мне сливки. Будет мне тунец. Да вот и они!

Драка

Ну ладно, признайтесь: вы бы тоже не ушли. Вы бы остались на целую неделю, как я, набивать пузо и толстеть.

К субботе я был круглый, как бочка. Рубашка на мне лопнула, я выпирал из нее по всем швам, как перестоявшее тесто.

И тут пожаловала вся честная компания: Белла, Тигр и Пушкинс. Они заглянули в корзину.

– Таффи? Таффи, уж не ты ли это?

Я немного смутился. И ответил измененным для маскировки голосом:

– Нет. Я Жаннет. Двоюродная сестра Таффи.

Белла пялилась на толстые складки меха, торчащие у меня по бокам.

– А что случилось с Таффи? Ты его что, съела?

Я глянул на нее холодно.

– Нет.

– А где же он в таком случае?

Я пожал плечами. Для меня это было самое энергичное движение за последнюю неделю. В результате шов на рубашке разошелся окончательно, и складки моего жирка привольно вывалились в прореху.

– Ты нам тут что, стриптиз устраиваешь, а? – подколот меня Пушкинс и добавил совсем уж грубо: – Толстуха!

Тут они как с цепи сорвались:

– Футбольный мяч!

– Бочка!

Я сощурился. Я издал еле слышный звук. Почти неслышный. Все потом утверждали, что это я начал. Вранье. Его и шипением-то не назовешь, этот звук. Так, легкий фырк.

А я говорю, это все Белла. Лапу протянула и похлопала меня по пузу.

– А ну-ка, ребят, пока Таффи нет, давайте погоняем этот здоровенный меховой мячик.

Ну, я, конечно, ей врезал.

А она врезала мне.

Так и началась эта драка. Вернее, всеобщая свалка с летящими во все стороны клочьями шерсти и лоскутами кукольной рубашки. Сначала завязки чепца мне сильно мешали, но я рывком избавился от него и снова набросился на них троих.

Моя маскировка разлетелась по лужайке, и тут все прозрели.

– Стоп, ребят, это все-таки Таффи! Это Таффи!

– Эй, Тафф! Наконец-то!

– Нашелся!

В этот момент в сад вышла Мелани с подносом, неся мой ужин. Банда моя с уважением отступила.

– Свежие сливки! – вздохнула Белла.

– Настоящий тунец! – шепнул Тигр.

– Причем много! – сказал Пушкинс.

Но Мелани не поставила еду передо мной, как обычно.

– Таффи! – строго сказала она. – Что ты сделал с Жаннет?

Я попытался принять вид Жаннет. Но без кружевного чепца и ночной рубашки у меня ничего не вышло.

Мелани огляделась. Повсюду – клочья шерсти, жалкие остатки чепца и рубашки... Должен признать, грустное зрелище.

– О, Таффи, Таффи! – взывала она. – Гадкий, гадкий кот! Ты порвал Жаннет на кусочки и съел ее! Ты чудовище!!!

Остальные отвернулись и улизнули, и бросили меня.

– Ты чудовище, Таффи! Чудовище! Чудовище!

Как все закончилось

Вот что у нас творилось, когда подъехала машина, и моя семейка в полном составе высадилась на лужайку.

– Таффи-и-и! – заорала Элли, увидев меня в саду Мелани. И побежала к калитке здороваться. – Таффи-и-и!

И тут она заметила ревущую Мелани.

– Что случилось?

– Твоего кота надо отправить в тюрьму! – завизжала Мелани. – Твой кот – вовсе не кот. Твой кот – свинья! Изверг! Убийца!

Я еще разок попытался сыграть роль благопристойной старушки Жаннет.

Элли смотрела на меня во все глаза.

– Ох, Таффи! – в ужасе прошептала она. – Что ты наделал?

Как вам это нравится? Очень мило. Разве члены семьи не должны стоять друг за друга горой? Значит, Элли может поверить любой гадости только потому, что ее подруга поливает лужайку слезами, а кругом валяются куски рубашонки.

Я сильно на нее обиделся, надо вам сказать. Поднял хвост трубой и гордо пошел прочь.

Пошел, но куда! Прямо в руки господина проповедника!

– Попался! – сказал он, схватив меня за шкуру, прежде чем я заметил, что он прячется за грушевым деревом. – Наконец-то ты попался!

За этим и застала преподобного мама Элли. Он держал меня так, как ни за что не станет держать кота любитель кошек.

Он смотрел на меня так, как ни за что не станет смотреть любитель кошек.

Он говорил такие вещи, которые, как мне кажется, не должен говорить проповедник.

Никогда.

Его больше не пригласят в наш дом сидеть со мной.

У кого-нибудь есть возражения?

Вряд ли.

Пока-а!

Ответный удар кота-убийцы

Не самое удачное фото

Ой, ладно, ладно. Ну так суньте меня головой в церковный ящик для пожертвований. Я злобно смотрел на маму Элли. Это все она-а-а виновата. Это она заняла мое любимое местечко на диване. Ну, знаете – ту мяконецкую подушку, на которую всегда падает солнце. Я всегда на нее сажусь, чтобы в окно смотреть.

С этого места как раз открывается вид на лужайку, куда вываливаются из гнезда маленькие пернатые пирожки – это они так летать учатся.

Ням-ням...

Потому я так злобно на нее и смотрел. Она того заслуживала, между прочим. Я всего лишь намекал – подвинься, мол, немного, а я тут подремлю. Нам, котам, без тихого часа никак нельзя. Я делаюсь раздражительным, коли не дать мне вздремнуть.

Так вот, представьте, я просто стоял там и смотрел на нее. И ВСЕ!

Ну, ладно. Еще посверкивал глазами.

Но она этого даже не замечала. Она с головой ушла в изучение новой брошюры из Колледжа дополнительного образования.

– На какие курсы мне пойти? – спрашивала она Элли. – Чем бы заняться? Живописью? Музыкой? Литературой? А может, танцами? Или йогой?

– А у них нет курсов ремонта старых автомобилей? – спросил отец Элли. – Если есть, походи.

Он прав. Машина у них – страх божий. Просто позорище. Эдакий пазл из еле-еле скрепленных меж собою деталей. Громыкает по дороге, как гигантская жестянка с игральными костями, изрыгая удушливый дым. А на новую им денег ни в жизнь не заработать.

Знаете, какие курсы нужны матери Элли? Курсы под названием «Как соткать авто из воздуха». Но в колледже вряд ли такие имеются.

Я прибавил своему взгляду злобности, намекая, что стою здесь не ради того, чтобы восхищаться ее красотой. У меня уже ноги болят.

Она подняла глаза и увидела меня.

– Ой, Таффи! Какая недовольная мордашка, ну что за прелесть!

Вам бы понравилось? Вот и мне. Ненавижу, когда меня дразнят. И я гневно набычился.

Ну, ладно, хорошо. Если вы настаиваете на достоверности изложения фактов, я еще и чуток пошипел.

А потом плюнул.

И знаете что? Угадайте. Она вдруг принялась рыться в сумочке, выудила фотоаппарат и сфотографировала меня.

Надо признать, на фотографии я получился не в лучшем виде. Я был немного сердит.

И, возможно, чересчур скалил зубы.

И когти можно было поменьше выпускать. А то я выглядел так, будто готов вонзить их в чью-то ногу, ежели этот кто-то не подвинется и не уступит кое-кому другому место под солнцем.

Нет. Не самое удачное фото.

Но ей, похоже, понравилось. И это навело ее на мысль.

– Придумала! – сказала она. – Пойду на курсы живописи. Займусь рисованием и керамикой. Но перво-наперво нарисую портрет Таффи, как на этом снимке. Будет чудесно-расчудесно. Расчудесней не бывает.

Упс!

Она это сделала, представляете? Ну что за тетка! Умудрилась оживить эту грудку металла, которую они паркуют перед нашим домом. И покатила на первое занятие, помахав из окна на прощанье.

И вернулась с моим портретом.

Я смотрел на это дело с теплого места на стене, где я часто и о многом размышляю.

– Очаровательно! – проворковала дежурившая на парковке полицейская тетя, когда мамочка Элли выдирала большой холст из цепкой хватки задней дверцы машины. – Тигр в натуральном виде.

– Батюшки! – воскликнула из-за забора миссис Харрис, пока портрет несли к дому. – Мне нравится. Это что, постер к новому фильму ужасов?

– Восторг, – сказал папа Элли. – Очень точно поймано выражение лица.

Элли промолчала. Если честно, думаю, она немного испугалась картины.

Потом мать Элли стала размышлять, куда бы ее пристроить. (Надо было меня спросить. Я бы ей сказал задушевно: «Может, сразу на помойку?».)

Но нет. Она оглядывала гостиную.

– А если вот сюда, на стену?

Я смотрел на нее не мигая.

– Да, – твердо сказала она. – Здесь будет в самый раз. И все гости смогут любоваться.

(Ага. Пугать гостей, вот для чего нужна эта картина.)

Но она так и поступила. Нашла молоток и гвоздь и водрузила свой «Портрет Таффи» над диваном.

Туда, где я легко смогу дотянуться до него со спинки.

Если как следует поскребу когтями по стене...

Упс!

Один маленький шлепок

Ладно, ладно. Ну так отчекрыжьте мне когти. Я пор-р-рвал его в лохмотья. Ой-ой-ой, беда какая! Уж если кто имеет право выцарапать зенки этому нарисованному коту, так это я.

И вообще, я не нарочно. Всего-то навсего протянул свою симпатичную лапочку и погладил картину – дружески. Ну, скажем, ради того, чтобы как-то с ней примириться. А один коготок возьми да и зацепись за холст. И что, вы станете вменять это мне в вину?

Застрял он там.

Никто не посмеет корить меня за попытку освободить лапу. Да, не одну, а несколько попыток. Сколько? Э-э-э... много.

Вынужден признать, что в результате картина потеряла товарный вид. Потеряла вообще всякий вид. Никакой картины практически не осталось. Зато мне стало гор-р-раздо легче на душе.

Я сидел на стене в саду и ждал. И дождался.

– Что за... Только поглядите: «Портрет Таффи» порван на кусочки!

- На мелкие! По всему ковру обрывки валяются!
- И не только по ковру! Вон там, на столе – что это? Нарисованное ухо?
- А на лампе повис кусок хвоста?
- Я нашла лапу на подоконнике! – взвела Элли.

Да, я постарался, чтобы «Портрет Таффи» был повсюду. Если его снова захотят повесить, им придется дать ему другое название.

Им придется назвать его «Конец битвы». Угадайте, кто вышел из нее победителем. Элли подняла подрамник с висящими лоскутами.

– Таффи! – строго пискнула она. Ой, напугала! – Погляди, что ты наделал с первой маминной картиной. Ты же ее уничтожил!

Какая трагедия. Если хотите знать мое мнение, в художественной галерее не станут рвать на себе волосы, когда до них дойдет эта весть. Может, маме Элли хватило ума оживить мертвую машину, чтобы доехать до курсов живописи, но рисовать она не умеет ни вот на столечко.

Да я лапой нарисую лучше, чем она. И если она когда-нибудь оставит без присмотра новенький белый холст, я смогу это доказать.

Во, точно. Так и сделаю.

Буйство красоты!

Ну так окуните мне усы в отбеливатель. Да, я срезал путь прямо через ее драгоценнейший холст. Я спешил. Откуда мне было знать, что она пошла за кисточкой и через минуту вернется?

Вот лежит он на каменном полу, весь такой красивый, аккуратно натянутый, белый и – ну да – пустой.

Готовый к употреблению, так сказать.

Наверное, я просто задумался о чем-то, когда наступил на тюбик синей краски – по ошибке, – перед тем как пройти через холст к калитке.

И всякий может оступиться на тюбике с красной краской, если поспешит назад, учуяв рыбный запах из мусорного бака.

И разве это преступление – поскользнуться на тюбике с желтой? Ведь когда бросаешься за бабочкой, ничего уже не видишь вокруг. Я же не нарочно.

И уж точно нельзя винить мой хвост за то, что он макнулся в зеленую краску и волочился за мной, пока я в волнении метался по холсту, недоумевая, откуда столько разноцветных клякс.

А что, сочно-красочно. Бодрит. Ново-модерново.

Миссис Будущая-Великая-Художница, однако, отнюдь не обрадовалась.

– Новый холст, только что натянутый! Полностью загублен! Что за мазня, а! А я-то собиралась написать прекрасный закат над озером среди холмов, заросших лютиками!

Элли за меня вступилась.

– Таффи не нарочно. Он просто первым нарисовал твой рисунок.

Я поглядел на свое творчество. Элли права. Любите закаты? Вот вам пожалуйста – жирная красная полоса. Хотите озеро? На здоровье! Вот вам синяя клякса. Лютики? А это что, по-вашему? Да-да, вот эти желтые брызги по всей картине. Среди холмов? Так за чем же дело стало? Уж чего-чего, а зеленой краски здесь тонны.

Я одарил нашу Живописицу надменным взглядом. «Это не мазня, – говорил взгляд. – Это и есть настоящее искусство».

И Элли была явно со мной солидарна. Она молчала, пока миссис Пикассо не оживила жестяного мертвяка и не отбыла на свои курсы. (Бдыф! Крылы-крылы! Х@%№*%\$! Шмяк! Чпок! Апчхи!) Но потом сказала отцу:

– Мне по правде нравится. Можно повесить ее на стену?

Вообще-то он должен был бы проявить чуть больше такта. Но он все еще злился на миледи за то, что та предпочла живопись урокам «Как слепить машину из груды ржавых железок». А еще он экономит на всем, вплоть до гвоздей. А над диваном уже вбит гвоздь. Поэтому он взял и повесил мою картину на место жenuшкиной.

Элли любовалась ею, в восторге прижав руки к груди. (Надо отдать ей должное – девчонка хоть и плакса невозможная, но преданный друг.)

– Я назову ее «Буйство красоты», – сказала она.

Я оглядел свою первую живописную работу критическим взглядом. Не уверен насчет «красоты», но «буйство» мне понравилось.

Да. Именно буйство. Класс.

Крохотный совет

Миссис Умелые Ручки вернулась домой с тремя уродливыми, бесформенными комками сухой грязи.

(Я не шучу. Комья высохшей грязи, полые внутри. Цвета детской неожиданности.)

– У меня не было холста, – объяснила она. (Холодный взгляд в мою сторону.) – Пришлось пойти на гончарное дело.

Гончарное дело?

Это где горшки лепят? Ночные горшки – вот что ей по уму, если желаете знать мнение талантливотого котика, автора работы «Буйство красоты».

Я толкнул один вздутый ком лапой.

Ай-яй-яй! Он рассыпался на мелкие осколки, не успев даже удариться о землю.

– Таффи! – сказала она. – Ну как ты мог! Сперва извазюкал чистый холст, а теперь разбил самую красивую цветочную вазу.

Красивая цветочная ваза? Я вас умоляю-а-аю! Ни капельки не красивая. Это грязь со дна болота. И если что-нибудь упадет в глубины этой кривобокой, в горбах и ямах, тары, его оттуда уже не выцарапаешь.

Она осторожно поставила две оставшиеся вазы на полку.

– Ну вот, – сказала она. – Отсюда даже Таффи не сможет их сбросить.

Крошечный совет: не бросайте вызов котам. Мне пришлось приложить некоторые усилия. (Я был не в лучшей форме.) Но в конце-то концов... В конце концов мне все же представился случай запрыгнуть на полку.

Те две вазы оказались еще страшнее первой, по чистой случайности упавшей на пол. Все в натеках – как спереди, так и сзади. А у одной снизу на днище было что-то наподобие бородавки, и из-за этого вся ваза раскачивалась, чуть только ее тронешь.

Ой!

Рад был бы вам сообщить, что она разлетелась на тысячи осколков. (Это бы здорово прозвучало, очень поэтично.) Но бока у нее были такой толщины, что развалилась она всего-то на две части.

Ну ничего. Не судите меня строго. Она же все-таки разбилась.

Уже минус две.

Осталась одна.

Последняя уродливая ваза

Оказывается, не только мне не нравились эти уродицы. Оказывается, не я один мечтал от них избавиться. На следующее утро иду себе как обычно в гостиную и обнаруживаю папу Элли на диване рядом с моим солнечным пятном.

Он посмотрел на меня как-то по-новому. Поначалу я не распознал этого выражения, но потом... Хм... Он что, рад меня видеть?

Фантастика? Или этому есть объяснение?

Он дружелюбно протянул ко мне руку:

– Иди сюда, котя. Ко мне, котя.

Ничего себе заявочки! «Иди сюда, котя»? Никогда не замечал, чтобы этот человек страдал без моего общества. И что-то не припомню, чтобы я часами нежился у него на коленях.

В жизни такого не было.

Ему явно от меня что-то нужно. Я мельком огляделся и...

Ву-а-ля! Он переставил Последнюю Уродливую Вазу на кофейный столик. Ага! Так вот на что он рассчитывал! Что сегодня я продаю это еще раз, «на бис»: один тычок маленькой мягкой лапкой, огорченный «Упс!» – и свежеспеченная ваза отправляется напрямиком в мусорное ведро.

Не то чтобы я не предпринимал попыток. Эта последняя была особенно страхообразна, бедняжка. Без нее мир станет краше. Уж если совсем начистоту – даже осколки будут смотреться симпатичней, чем эта кошмарная глыба.

А я – домашнее животное, призванное украшать дом всеми силами и способами.

Я поднял лапу – мол, командуй: внимание, приготовились, пуск...

И тут он совершил большую ошибку.

– Правильно, – сказал он. – Хороший мальчик.

«Хороший мальчик»? За кого он меня принимает? За глупую псину?

Я холодно, очень холодно посмотрел на него и мигнул. Если бы не половая тряпка вместо мозгов, он бы понял, что это означает. А именно:

«Извините. Кто из нас двоих похож на дрессированную собачку? Я, что ли, когда-нибудь тебя слушался? Нет, никогда. Приходил, когда ты меня зовешь? Нет, я хожу куда сам пожелаю. Я – кот.»

Уж кто здесь отменно выдрессирован – так это ты. Когда я проголодаюсь, мне стоит лишь покрутиться у тебя в ногах (ну давай, споткнись и хряпнись на пол) – и ты открываешь банку. Когда хочу погулять, я становлюсь у выхода и вою, будто меня сейчас стошнит, и ты уже тут как тут, открываешь дверь.

Ну и кто из нас должен говорить «Хороший мальчик», а, скажи, Бастер?

Вот именно. Не ты. Я.

Конечно, существует множество способов выразить свою мысль. Я выбрал метод уклончивой головоморочки – «да» и «нет» не говорить. Держал его на крючке, вскакивая на столик и снова спрыгивая. (Какой же он лицемер, а! В другой день он бы меня моментом согнал.) Каждый раз я проходил все ближе к вазе, касался бочком, протягивал лапу, как бы норовя сбросить этот неприятный образчик гончарного искусства. На что он и рассчитывал.

Я даже немного подтолкнул ее, и она покачнулась.

И почти упала.

Почти.

Но не упала.

– Ну давай же, – упрашивал папаша. – У тебя получится. Ты же достаточно неуклюж.

Что? Неуклюж? Так-так... Вот, значит, что выясняется. Я мог бы ему объяснить, что ни одна вещь в этом доме не упала без моей на то воли. Если это я, конечно, ронял, а не кто-то из домашних. Называйте нас, котов, умными. Называйте коварными. Называйте виновниками кошачьих концертов.

Но никогда не называйте нас неуклюжими.

И вдруг он бросил притворяться. Сменил тактику.

– Ну же, – вкрадчиво заворковал он. – Разбей ее, сделай мне приятное. Пожалуйста. Милый котик. Милый, милый котик.

Да как он посмел! Нет, вы представьте! Пять лет мы прожили с ним под одной крышей, и после всего он называет меня «милым».

Это оскорбление.

Еле удержался, чтобы не расцарапать ему рожу. Но нет, я придумал месть тоньше и изысканней. Вытаращил глаза и вздыбил шерсть. Изобразил сценку «Вижу в дверях привидение». (Я в этой роли хорош, очень хорош.) А потом для большей достоверности стал пятиться на кофейном столике, пока не свалил красивую фарфоровую плошку, которую он обожает. Плошка разбилась, а монеты, которые он в нее собирал (это у него такое хобби), раскатились по полу.

Он ползал по всей комнате, собирая деньги, когда в дверь позвонили.

Мистер Харрис, сосед. Как всегда, распространяет билеты вещевой лотереи.

– Простите, – как всегда, ответил отец Элли, – к сожалению, у меня нет мелочи.

Мистер Харрис в изумлении уставился на гору монет в ладонях папочки.

– Этого как раз хватит, – сказал он. – По крайней мере, на один билет. А приз шикарный, вашей семье он пришелся бы весьма кстати. Новая машина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.